

В. А. Жуковскій
рис. неизв. художн.
изъ альб. А. В. Елагиной

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

ТОМ ПЯТНАДЦАТЫЙ

**ПИСЬМА
1795—1817-х годов**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ**

Памяти Александра Сергеевича Янушкевича

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ТОМ ПЯТНАДЦАТЫЙ

ПИСЬМА

1795—1817-х годов

Издательский Дом ЯСК

Москва 2018

УДК 821.161.1
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1-8
Ж 86

Томский государственный университет

Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 18-112-00033, не для продажи

Жуковский В. А.

Ж 86 Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, С. В. Березкина, Д. В. Долгушин, Э. М. Жилиякова, В. С. Киселёв, О. Б. Лебедева, Н. Е. Никонова, И. А. Поплавская, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 15: Письма 1795—1817-х годов / Сост., подгот. текстов и примеч. И. А. Айзикова, С. В. Березкина, Э. М. Жилиякова, В. С. Киселёв, О. Б. Лебедева, С. И. Панов, И. А. Поплавская, А. С. Янушкевич; ред. О. Б. Лебедева. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 1088 с., ил.

ISBN 978-5-6040760-7-1 (т. 15)

ISBN 978-5-6040760-8-8

Полное собрание сочинений В. А. Жуковского впервые в эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

В т. 15 вошли 355 писем В. А. Жуковского за 1795—1817 гг. к 49 адресатам, собранные по всем доступным источникам: архивохранилищам Москвы и Санкт-Петербурга, периодическим изданиям XIX—XX вв., собраниям сочинений Жуковского, изданным в XIX—XX вв., отдельным публикациям. Более 80 писем публикуются впервые.

УДК 821.161.1

ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1-8

На фронтисписе:

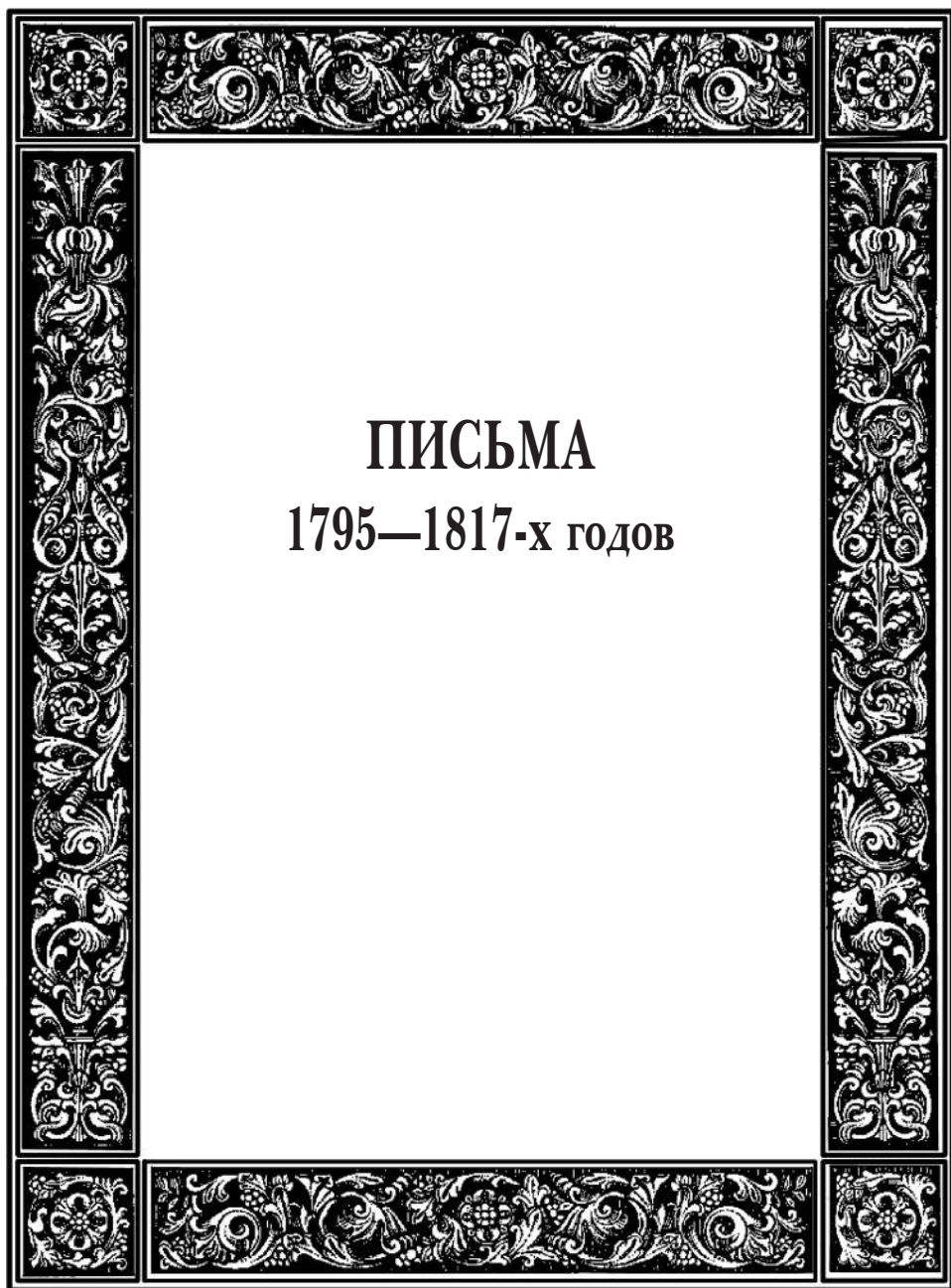
*портрет Жуковского работы К. А. Зенфа (?), 1815—1817, воспроизведен по репродукции в изд.:
Альбом выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского 1852—1902. М., 1902. Л. 65*

ISBN 978-5-6040760-7-1

9 785604 076071 >

© О. Б. Лебедева. Редакция тома 15, 2018
© Издательский Дом ЯСК, оригинал-макет, 2018

ПИСЬМА
1795—1817-х годов

1795

1.

Е. Д. Турчаниновой*20 ноября 1795 г. Кексгольм*

Милостивая государыня матушка Елизавета Дементьевна!

Я весьма рад, что узнал, что Вы, слава Богу, здоровы; что ж касается до меня, то и я также, по Его милости, здоров и весел. Здесь я со многими офицерами свел знакомство и много обязан их ласками¹. Всякую субботу я смотрю развод, за которым следую в крепость. В прошедшую субботу, шедши таким образом за разводом, на подъемном мосту ветром сорвало с меня шляпу и снесло прямо в воду, потому что крепость окружена водою, однако по дружбе одного из офицеров ее достали.

Еще скажу Вам, что я перевожу с немецкого² и учусь ружьем. В прочем, прося Вашего родительского благословения и целуя Ваши ручки, остаюсь навсегда Ваш послушный сын Васинька.

20 ноября
1795-го года
Кексгольм³

2.

Е. Д. Турчаниновой*20 декабря 1795 г. Кексгольм*

Милостивая государыня матушка Елизавета Дементьевна!

Имею честь Вас поздравить с праздником и желаю, чтоб Вы оный провели весело и здорово. О себе честь имею донести, что я, слава Богу, здоров. Недавно у нас был граф Суворов¹, которого встречали пушечною пальбою со всех бастионов крепости. Сегодня у нас маскарад, и я также пойду, ежели позволит Дмитрий Гаврилович². В прочем, желая всякого благополучия, остаюсь Ваш послушный сын Васинька.

1795-го года
декабря 20 дня³
Кексгольм

1796

3.

Е. Д. Турчаниновой

<Начало января (после 6-го) 1796 г. Кексгольм>

Милостивая государыня матушка Елизавета Дементьевна!

Имею честь Вас поздравить с наступившим новым годом¹ и желаю, чтоб Вы оный и множество таковых провели благополучно и здорово.

О себе честь имею донести, что я, слава Богу, здоров и весел. У нас здесь, правду сказать, очень весело; в Крещенье² была у нас Иордан³, куда ходили с образами, и была пушечная пальба, и солдаты палили из ружей⁴. В прочем, желая Вам всякого благополучия, остаюсь навсегда Ваш послушный сын Васинька.

1799

4.

Г. Р. Державину

Январь 1799 г. Москва

Милостивый государь!

Творения Ваши, может быть, столько ж делают чести России, сколько победы Румянцевых¹. Читая с восхищением «Фелицу», «Памятник герою», «Водопад» и проч., сколь часто обращаемся мы в мыслях к бессмертному творцу их и говорим: «Он россиянин, он наш соотечественник». Плененные редкими, неподражаемыми красотами оды Вашей «Бог», мы осмелились перевести ее на французский язык, и Вам на суд представляем перевод свой. Простите, милостивый государь, если грубая кисть копиистов обезобразила превосходную картину великого мастера. Чтобы удержать всю силу, всю возвышенность подлинника, надобно иметь великий дух Ваш, надобно иметь пламенное Ваше перо.

Именем всех своих товарищей мы просим Вас, милостивый государь, снисходительно принять сей плод трудов наших, уверяя, что мы почтем себя весьма счастливыми, если он удостоится благосклонного Вашего внимания.

С совершенным высокопочтением имеем честь быть Вашего превосходительства милостивого государя всепокорнейшие слуги

*Василий Жуковский.
Семен Родзянка*

Генваря дня 1799 года, Москва

5.

И. П. Тургеневу

17 февраля 1799 г. <Москва>

Милостивый государь!

Благосклонное участие, приемлемое Вами в образовании нашего ума и сердца, исполняет душу нашу живейшими чувствами признательности. Много, много видели мы опытов Вашей к себе любви; но вчерашнее милостивое посещение Ваше новозаведенного нашего общества пребудет для нас незабвенно. Мы и теперь еще видим ту нежность, ту заботливую о благе нашем почтительность, которую вчера читали на лице Вашем. Пролитые Вами слезы прямо, кажется, упали на наше сердце, размягчили его и приготовили к будущему произрастанию плодов мудрости и добродетели. Каждое слово Ваше отзывается еще в душе нашей и всегда будет для нас ненарушимым законом.

С тою лестною, ободрительною надеждою, что Вы, милостивый государь, и впредь не престанете быть нежным нашим попечителем, нашим Наставником, нашим Отцом; и впредь не престанете принимать участия в дружеских упражнениях Собрании благородных воспитанников¹ и подкреплять их, с тою надеждою мы смело вступаем в открытый пред нами путь и надеемся с бодростью совершить его. Между тем примите, милостивый государь, в воздаяние за те нежные попечения, кои Вы о нас прилагаете, примите чувства искренней нашей благодарности, с которою именем всех членов Собрании честь имеем быть,

Милостивый государь!

Вашего превосходительства

покорнейшие слуги

Василий Жуковский.

Семен Родзянка²

1799 года

17 февраля

1800

6.

А. Ф. Мерзлякову

22 августа 1800 г. <Москва>

Главная Соляная Контора — 1800, авгу<ста> 22

Это письмо будет ответом на твое. Хороший же ты часовщик, когда не умеешь перестроить этих проклятых часов, которые бьют в твоём сердце и унылым

своим стуком нагоняют на тебя тоску и горечь. Загляни в них хорошенько — нет ли какой порчи, не истерлось ли какое колесо, не порвалась ли какая цепочка или что другое — мало ли что случиться может? Поправь, перемени, и дело кончено. Ты скажешь: «Трудно, почти невозможно»; но я буду отвечать с Делилем:

C'est de difficultés que naissent les miracles*¹.

Так, брат, один Бог знает, что такое человек, эта вечная загадка, которую Природа задала ему и которую он с минуты рождения по самую минуту смерти разгадывает и разгадать не может.

Жизнь наша не иное что, как неразрывная тень желаний, смерть есть конец их и, может быть, — исполнение. Ты жалуешься на непостоянство сердца человеческого и вместе на свое, но скажи мне, что бы была жизнь наша без сих желаний или — что почти всё равно — надежд², которых господа Головоломы или философы называют суетами? Холодную, однообразную жизнью, лишенную всех прелестей и удовольствий, одним словом, *степью*, в которой глаза наши ничего не видят, ничего не встречают, кроме отдаленного безмолвного неба, которое сливается с горизонтом... *Espérer c'est jouir*^{**3}, говорит Delille, и я верю Делилю. Положим, что надежды часто нас обманывают, но другие надежды, может быть, также обманчивые, заступают их место и держат сердце наше, как говорят французы, *en suspens*⁴ et ce suspens-là est déjà jouissance^{**}. К тому же, надобно тебе сказать, *совершенное* наслаждение, по натуре человеческого сердца, не может быть чистым; оно смешано с некоторою неприятностью, и, можно сказать, исполнение всех наших желаний есть начало скуки и хладнокровия. Мы можем уподобиться мореплавателям, которых кормчий — надежда, которых попутный ветер — желание; если мы обманываемся, почетши отдаленное облачко желанною пристанью, то мы едем далее и — *опять надеемся*, что скоро увидим настоящую землю. Итак, мой милый, не бранись с собою за то, что ты беспрестанно желаешь нового и недоволен старым. Желание нового (а желать — почти то же, что надеяться) есть *Triebfeder*^{****} наших дел. Тот бедный человек, кто живет на свете без надежды; пускай будут они пустые; но они всё *надежды*, они всё *любезны и нежны*⁵.

NB. Я пишу всё это в гнилой конторе, на куче больших бухгалтерских книг, вокруг меня раздаются голоса толстопузых, запачканных и разряженных крючкочерковцев; перья скрипят, дребезжат в руках этих соляных анчоусов и оставляют чернильные следы на бумаге; вокруг меня хаос приказных; я — только

* Из трудностей рождаются чудеса (*франц.*).

** Надеяться — значит наслаждаться (*франц.*).

*** В *неопределенности*, и эта неопределенность есть уже наслаждение (*франц.*).

**** Движущая сила (*нем.*).

одна планета, которая, плавая над безобразною структурою мундирной сволочи, мыслит *au dessus du Vulgaire** и — пишет к тебе письмо.

Итак, за старую песню.

Одним только матросам нельзя учиться на берегу управлять судном для того, что они — матросы. А нам, между нами будет сказано, философам, это не запрещается; кто из спокойной пристани увидит разбившуюся лодку о подводный камень, тот не направит туда *своего* судна; ветрами не совладеешь тогда, когда они бунтуют; поздно ставить громовой отвод тогда, когда гром ударил и зажег твою хижину. Учись в тишине души управлять душою и заранее предусматривай бури; опыты только поддерживают теорию; когда я с образованным сердцем войду в хаос света, то не нужен Эгид Минервин⁶ для прикрытия его от стрел Купидоновых. Должности диктует нам сердце, мир есть поприще, на котором мы их исправлять должны; как же ступить в это поприще, не имея посоха, которым бы подпереться было можно? — вот мое возражение на то, что ты написал в письме своем; если оно несправедливо, то посылай антирецензию⁷.

Картина твоей Природы прекрасна, стихотворна, только она слишком ветрена, твоя Природа⁸.

Нет, нет, друг мой, если жизнь наша только роза, только *блестящая* роза, то за что мне благодарить Природу?

А я благодарю ее, благодарю с трепещущим сердцем, с пылающею душою.

Я вот как толкую, или только изображаю дары Природы.

Я рождаюсь в свет, и в тихом веянии благодати низлетает ко мне добрая мать моя — Природа;⁹ в руке ее семя моей жизни* (*Эта картина родилась от твоей, только справедливее), вот, говорит она юнорожденному своему сыну, вот семя твоей жизни; вместе с тобою будет оно развиваться, возрастет и некогда обратится в дуб кудрявый. Если ты сбережешь юную, только расцветшую былинку, то распутившееся дерево будет благотворно тенью осенять цветущий луг и украшать леса и рощи. Если же мороз успеет охладить жизнь в расцветающем растении, то оно поблекнет, и ты, сын мой, увянешь вместе с ним.

Благодарю тебя, Природа, за материалы и дары твои, за эту любовь к добру, пылающую в моем сердце, которая есть твой голос и которая меня остерегает; если увянет оно, сие растение, порученное мне тобою, то не тебя обвинять буду, а лишь горестными слезами стану обливать поблекшую былинку, которую не умел сберечь и воспитать... Я, я один буду виновником; ты дала мне всё, и я из этого всего не умею извлечь своей пользы.

Роза не может быть эмблемою моей жизни; она благоухает только тогда, когда цветет под ясным небом; листья ее разлетаются от малейшего ветра — дуб же стоит и тогда, когда бунтуют бури и вихри; дуб стоит и тогда, когда зима

* Выше черни (*франц.*).

и дряхлость иссосали жизнь из его сердца. Странник, смотря на обнаженные его ветви, говорит: я наслаждался его тенью; он велик и после смерти.

Мысль твоя прекрасна — быть друзьями, друзьями людей и муз, учиться для того, чтобы знать цену дружбы и добродетели, чтобы делать общими силами добро. Так, друг мой, это прямая дорога к счастью; быть счастливым или добрым, а добрым и счастливым нельзя быть без отношения себя к Богу и обществу — вот моя религия, вот моя любовь к вечному отцу моему.

Воображение мое никогда не было воином, а меньше того, Дон-Кишотом, который мельницы принимал за великанов, а стадо овец — за войско неверных. Я там не вижу препятствий, где их ни видеть, ни превозмочь не намерен. Говоря языком православных русаков, скажу тебе: я *люблю* для того, что любить непременно должно, что это сродно моему сердцу; успехов в любви не надеюсь для того, что не могу, не ищущу и не хочу получить их, и еще для того, что — подивись человеческому сердцу, — что они ослабили бы любовь мою. Вот ответ на мистический вопрос твой.

7.

Е. Д. Турчаниновой

<Вторая половина 1800 г. (не ранее июня). Москва>

Милостивая государыня матушка
Елизавета Дементьевна!

Григорий приготовил деньги за себя, только дело остановилось за тем, что он не знает, куда он приписан по подушному окладу и каким образом нам укреплен; итак, извольте потрудиться об этом осведомиться и поскорее ко мне прислать¹. Да не худо бы было, когда б Вы попросили Михайлу Ивановича², чтоб он сделал одолжение написать черную отпускную, ибо я хотя и пустился в статские скрипонеры³, но ничего такого писать не умею, за что я ему отвешу земной поклон. Григорий не может теперь дать более 625 рублей, а других 25-ти просит подождать, ибо теперь их у него нет и — так как и Бог кающихся прощает, — я чистосердечно признаюсь, что из вышереченных 625 взял 25. — На что? — Вы спросите. — На книги, отвечаю я, и уже вижу, что Вы сердитесь. — Но Вы, конечно, меня в том простите; я уверен в этом совершенно, ибо учивши меня столько времени тому-сему, Вы не захотите, чтобы я это забыл, и все деньги, которые Вы за меня платили в пансион, были бы брошены понапрасну.

Итак, как бы то ни было, Вы, конечно, простите меня за то, что из 625 рублей взял я 25 на *нужные книги*⁴.

С этою сладостною надеждою остаюсь с истинным почтением и *преданностью*, милостивая государыня матушка, Ваш послушнейший сын... Хорош

послушный! скажете Вы: 25 рублей взял! На это отвечаю еще громче — препослушный сын В. Жуковский.

1801

8.

Д. Н. Блудову

*<Середина ноября (после 12-го) 1801. Москва>**

Мой добрый и любезный друг, извини меня, что я так мало к тебе пишу. Это физическая для меня невозможность написать два письма вдруг; а мне должно написать к тебе попространнее. Теперь я расположил свою корреспонденцию так, что ты, Анд<рей> Ив<анович>¹ и Родзянка² будете получать мои письма каждый через две почты; а теперь хотя бы пожелал написать к тебе, но я крайне не в духе, по крайней мере, что-то не пишется. Прости, друг любезный, будь уверен, что я тебя так же люблю и помню. Скажи от меня то же Родзянке, не забудь; получил ли он мое письмо, в котором я послал ему *The traveller*, Гольдсмитову поэму³.

Попроси его мне отвечать на это письмо.

Adieu, adieu.

Отдай мое письмо Андрею Ивановичу! Ты знаешь ведь, где он остановился⁴.

1802

9.

А. М. Соковниной

<Первая половина 1802 г. Москва>

Покорно благодарю Вас за коврижку.

Она не только прекрасна, но бесподобна, несравненна, потому что от Вас!

Я ел ее с такою приятностью, с таким восхищением, что не увидел, как съел; так всё скоро проходит в свете; одно только не пройдет вечно, и то не в свете, а во мне... Кат<ерина> Мих<айловна>¹ в своем письме пишет ко мне, что *хорошо радоваться любовью других, если своего предмета нет*, — а я хотя и имею предмет, милый, достойный любви, но не радоваться, а плакать должен. Пожалейте обо мне. Вы так жалостливы и — безжалостны!

Прочтите еще раз для памяти песню «Филлида, я любим тобою!», а после нее «Послание к жестокой»². Эти две пьесы неразлучны! Но Вы, я думаю, о них и позабыли! — Бог Вам судья!

1803

10.

Е. А. Протасовой

21 апреля <1803. Москва>

Скажу о себе, что я, может быть, месяцем позже Вас увижу; я еду на месяц в Свирлово жить вместе с Николаем Михайловичем. Вообразите, какое блаженство, и порадитесь вместе со мною. Его знакомство для меня — счастье, и, верно, мой добрый дух сказал Вам, чтобы Вы послали меня с письмом к нему: без того я бы к нему от своей глубокой застенчивости не поехал. Видите, что всё истинно для меня доброе получаю я от Вас. Простите, еще раз целую Ваши ручки. Матушка Вам свидетельствует свое почтение. Посылаю Вам книжку «Les prières d'Eckartshausen»¹: это мой подарок, который, конечно, будет Вам приятен.

11.

И. П. Тургеневу

11 августа <1803 г. Белев>

11 августа

Милостивый государь Иван Петрович!

Я имел счастье получить Ваше драгоценное, утешительное и вместе горестное письмо; Вы можете вообразить себе мою благодарность. Мне лестно и усладительно видеть, что Вы разделяете со мною чувства души своей и находите в этом некоторую отраду. Чувствую цену Вашей милости. Осмелюсь сказать, что воспоминание о незабвенном нашем А<ндрее> И<вановиче> и любовь к его милому праху должны соединить нас теснее, несмотря на расстояние, которое разлучает нас. Я, любя Вас лично, как добродетельного человека, которого пример почитаю благодеянием, буду еще больше любить в Вас отца моего истинного друга, которому я не имел времени и случая доказать, как он мне был дорог и любезен. Вот что еще более усиливает мою горесть. Я всё думал о будущем и надеялся опытов. Но как обманчива надежда! И со всем тем человек не перестает надеяться. Как я несчастлив, что не мог быть при нем в минуту смерти. Но он умер не один, он умер на руках П<аисия> С<ергеевича>¹, которому завидую от всего сердца. По крайней мере, утешаюсь внутренним чувством своим, которое говорит мне, что я не оставил бы его в эту минуту, не побоялся ужасной прилипчивой болезни и пожертвовал бы жизнью для последнего долга дружбы, для утешения умирающего, единствен-